

Нужна плодотворная идея

Александр Некипелов: помимо продуманной промышленной политики, реформы экономики и многих других важных вещей России нужен масштабный общенациональный проект

В нынешнем году в России прогнозируют рост экономики. Небольшой. Россияне, судя по недавнему исследованию «Левада-Центра», в это не верят, не видя существенных перемен в нашей экономике, способных дать реальный рост. Своим мнением об ожиданиях и состоянии экономики, а также о средствах, которые могли бы построить в России «экономику роста», с журналом «Управление бизнесом» поделился академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ Александр Некипелов.

– Руководство страны более уверенно заговорило о возобновлении экономического подъема, который прогнозируется на уровне 1–1,5% в нынешнем году. Это мантры, призванные воодушевить стагнирующий рынок, что, в принципе, не лишено смысла? Или мы действительно дотянули до подъема?

– Я не исключаю роста в размере 1%, но это совсем не то, что нам необходимо, тем более после такого мощного шока, который страна пережила в последние годы.

Определенные позитивные изменения действительно происходят. Удалось снизить инфляцию, стабилизировать на данный момент курс рубля. Есть некоторые достижения в сельском хозяйстве, связанные с импортозамещением. Но, с моей точки зрения, эти достижения получены с неоправданно большими издержками и потерей времени. Более того, они не гарантируют перехода нашей экономики в режим устойчивого роста.

С осени 2014 года страна переживала рецессию. Очень серьезный удар нанесен по жизненному уровню населения, негативные процессы происходят в реальном секторе экономики. Высокая процентная ставка, превышающая отдачу капитала в обычных секторах экономики, заблокировала не только инвестиционную активность, что само по себе нашей экономике совершенно ни к чему, но и перекрыла доступ к текущему финансированию.

Более того, она создала сложную ситуацию в банковском секторе, потому что высокая процентная ставка означает для банков не только получение высокого

дохода по предоставленным кредитам, но и необходимость уплачивать значительные проценты по депозитам. Так вот, по депозитам им платить приходится, а надежных клиентов, желающих брать кредиты по нынешней процентной ставке, находить сложно.

Наконец, выяснилось, что даже предприятия, располагающие деньгами, не желают их инвестировать. Такое положение дел пытаются объяснять недавней высокой инфляцией, неуверенностью в будущем, политическими рисками и рядом других факторов. Но ведь это не главное. Никакой разумный предприниматель не будет инвестировать даже собственные деньги, если отдача на вложения ниже процентной ставки. Значительно выгоднее и спокойнее держать денежные средства на счетах и получать процент.

Тогда возникает вопрос: как же банки выходят из этой ситуации? Ведь компании держат у них на счетах суммы, сопоставимые с размером годовых инвестиций, а спрос экономических агентов на кредиты при нынешней процентной ставке крайне низок. В некоторой степени помогают средства, выделяемые властью на субсидирование процентных ставок. Но ключевую роль играет наш главный банк. Он предоставляет возможность коммерческим банкам держать свою ликвидность в Центральном банке на счетах, приносящих процентный доход, немногим уступающий величине ключевой ставки.

У банков вроде бы все в порядке, а вот в экономике сформировался порочный круг, вырваться из которого не так-то просто.

ИНАЧЕ НУЖНО БЫЛО ДЕЙСТВОВАТЬ

– Наверное, цели были благие при введении высокой процентной ставки...

– Повышение процентной ставки – мера, в общем-то, стандартная. Она используется для борьбы с серьезным всплеском инфляции и оттоком капитала. При этом следует иметь в виду, что так называемое бегство частного капитала – это не обязательно физический вывоз денег из страны. Обмен рублей на доллары и другую валюту компаниями и гражданами России тоже отток, потому что частный сектор в этом случае замещает национальный актив иностранным.

Александр Некипелов

Так вот, осенью 2014 года Центральный банк прибег к этой мере для блокирования мощнейшего оттока капитала из страны и быстрого роста цен, сопровождавшихся обрушением курса рубля. Кстати говоря, все это было в значительной мере вызвано его же собственными действиями – переходом к плавающему курсу, не сопровождавшемуся принятием адекватных мер против отечественных и зарубежных валютных спекулянтов.

Но самое удивительное заключается в том, что, повысив ключевую ставку до астрономических 17%, Центральный банк стал с олимпийским спокойствием наблюдать за тем, как силы рыночной самонастройки нормализуют экономическую ситуацию.

В результате экономика погрузилась в длительную и крайне болезненную рецессию. Между тем в условиях, в которых находилась тогда российская экономика, требовались активные действия.

– *Какие?*

– Ряд специалистов, в том числе и я, предлагали учесть опыт выхода из кризиса 1998 года и ввести ограничения по капитальным статьям платежного баланса, чтобы прекратить бегство в валюту, надежно стабилизировать курс и обуздать рост цен.

Ограничения по капитальным статьям, которые не было нужды даже распространять на население, показали свою эффективность в 1998 году в существенно более сложном положении. Выход из кризиса произошел очень быстро. Уже в декабре того же года – через три месяца после дефолта – в стране начался экономический рост, а к февралю ситуация на валютном рынке была полностью стабилизирована. А ведь еще в августе казалось, что Россия стоит на пороге полномасштабной катастрофы с банкротством всей банковской системы, прекращением нормального функционирования платежной системы и многими другими ужасами крушения.

В нынешний кризис этот путь отвергли, не объясняя причин. Однако неофициально все же действовали в духе ограничений – например, проводили работу с руководителями крупных российских корпораций-экспортеров. Им объясняли, что вырученную валюту следует продавать на валютном рынке, а не держать

Занявшись накопительством, мы законсервировали неэффективную, уязвимую по отношению к внешним шокам экономику

на счетах. Объясняли, видимо, достаточно доходчиво, так как корпорации начали продавать валюту. ЦБ направил в коммерческие банки своих представителей, которые настойчиво давали понять, что следует ограничивать размер открытых валютных позиций. Предпринимались и другие шаги. Официально же заявлялось о приверженности политики свободы предпринимательства, незыблемости принципа свободно плавающего рубля и так далее.

Однако действовать «по понятиям» всегда хуже, чем по правилам. С одной стороны, «договоренности» оказываются неустойчивыми, а потому давление на экспортеров продавать валюту приходится постоянно возобновлять. А с другой – таким манером, в принципе, невозможно обеспечить решение многих вопросов. Например, «по понятиям» нельзя регулировать фондовый рынок, приток и отток капитала спекулятивных инвесторов.

Оборотной стороной показной приверженности принципам либерализма стало широкое распространение практики «ручного управления» экономическими процессами. В ряде случаев эти меры оказывались успешными, например в сельском хозяйстве.

Но субсидирование процентной ставки – инструмент, который правильнее использовать при наличии осмысленной промышленной политики. А когда начинают просто затыкать непрестанно возникающие дыры, то от субсидирования процентной ставки пользы мало, а получаемый эффект не носит системного, долгосрочного характера.

Сегодня ситуация в экономике лучше, чем год назад. Это правда. Но ЦБ и правительство ведут себя как небожители, которых текущие страдания и потеря времени совершенно не волнуют. Столь продолжительная рецессия, дестабилизация условий хозяйственной деятельности и связанная с ней деморализация предпринимательского сообщества, колоссальный обвал жизненного уровня никак не могут быть списаны исключительно на счет антироссийских санкций и падения мировых цен на энергоносители.

ОПЯТЬ НЕ ВОСПОЛЬЗОВАЛИСЬ

– Кризис – возможность перегруппироваться, определить перспективные направления в экономике и позволить им развиваться. Ни один из минувших кризисов в России не дал такого результата. Или все-таки что-то есть?

– За исключением ряда позитивных процессов в сельском хозяйстве никаких особо серьезных подвижек в структуре нашей экономики я не вижу.

У России была замечательная возможность в так называемые тучные годы использовать колоссальные средства, которые приходили в страну, чтобы совершить серьезные изменения в экономике. Это, в общем-то, декларировалось в публичных выступлениях, но на деле мы шли по пути создания «подушек безопасности». По официальным данным, за 2000–2015 годы суммарный актив текущего счета платежного баланса составил почти 1 трлн долларов. Это значит, что в среднем каждый год частный и государственный («подушки безопасности») вывоз капитала составлял примерно 60 млрд долларов. Это – средства, которые мы могли использовать, но не использовали для модернизации нашей экономики.

Более того, сегодня, когда эти «подушки» заметно похудели, а проблемы сохраняются, идут разговоры о том,

что мы мало выделяли средств на их создание. Дескать, надо было больше откладывать, тогда бы на большее время хватило. И чтобы исправить эту «досадную оплошность», Минфин принимает решение все дополнительные доходы бюджета, получаемые в результате превышения мировой ценой нефти уровня в 40 долларов за баррель, направлять на закупки валюты. При помощи этой меры Минфин стремится убить двух зайцев – в первую очередь не допустить истощения так называемых суверенных фондов и во вторую очередь противодействовать укреплению рубля. Постановка, казалось бы, несвойственной финансовым властям задачи борьбы на «валютном фронте» объясняется просто: более низкий курс отечественной валюты облегчает Минфину выполнение бюджетных проектировок.

Правда, он же ведет к более высокому уровню инфляции. А это, как справедливо отметил ряд экспертов, уже начало сдерживать Центральный банк при принятии решения о снижении ключевой ставки. Налицо любопытная коллаборация двух ведомств, ведущая к блокированию возможностей экономического роста: Минфин отвлекает средства из экономики для восстановления изрядно похудевших суверенных фондов, а Центральный банк продолжает держать ключевую ставку на чрезмерно высоком уровне.

Формирование резервов в определенных обстоятельствах – вещь абсолютно оправданная. Но только тогда, когда имеется примерное представление о траектории изменений интересующего экономического параметра, в нашем случае – цены на нефть. Тогда формирование страхового фонда в период, когда доходы превышают нормальные, и его расходование в противоположных ситуациях оказывается эффективным инструментом снижения рисков. Увы, динамика мировой цены на нефть совершенно не прогнозируема. Гадание на кофейной гуще более точно, чем прогноз этого показателя. Результат – эффективность резервного фонда резко падает.

Другое дело – модернизация экономики.

Это важный механизм снижения рисков, потому что меняется структура экономики. Она становится более устойчивой. Конечно, модернизацию за год, два и даже три не проведешь. Но у нас в запасе было гораздо больше времени.

– **30 лет?**

– Это если с самого начала... Я имею в виду 2000-е годы. Тоже, согласитесь, уже немало времени прошло – 17 лет. Занявшись накопительством, мы законсервировали неэффективную, уязвимую по отношению к внешним шокам экономику. И с упорством, достойным лучшего применения, продолжаем убеждать всех, и в первую очередь себя, что обескровливание собственной экономики очень помогло нам выстоять в трудный период.

ПОТЕРЯННОЕ ВРЕМЯ

– *Кстати, в российском обществе, в кругах интеллигенции во всяком случае, бытует мнение, что все прошедшие примерно 30 лет – потерянное время. Отстававший от СССР Китай за эти же годы создал мощнейшую экономику.*

Мы же ничего не создали. Иногда эти размышления завершаются сентенцией «и не создадим, потому что российскому руководству это не надо».

Мы действительно ничего не достигли?

– Я бы все-таки с этим не согласился. Мы прошли большой путь и недооценивать сделанного не стоит. В стране сформировалась более или менее нормально функционирующая рыночная экономика. Мы давно забыли о дефицитах на потребительском рынке и как должное воспринимаем возможность свободно путешествовать по всему миру. Явно прибавилось свободы во всех областях деятельности, а она в иерархии ценностей современного человека занимает отнюдь не последнее место.

Есть достижения и в реальной экономике. Каждый из нас является свидетелем того, что страну не обошли достижения в сфере информационных технологий. Мы постепенно приобретаем вкус к осуществлению крупных хозяйственных проектов (на Дальнем Востоке, в Сочи, строительство Крымского моста).

Определенные подвижки произошли и в экономическом мировоззрении власти. На начальном этапе радикальных реформ в ее сознании существовали только такие понятия, как либерализация, приватизация и макроэкономическая стабилизация. Сегодня речь идет

ПМЭФ

о важности формирования современных институтов, значении человеческого капитала, необходимости проведения осмысленной промышленной политики.

Досаду вызывают те огромные издержки, которые мы понесли и продолжаем нести на, в общем-то, верно выбранном пути. Почему так получилось? Вопрос, на который не так-то просто ответить. Мне кажется, в начале перемен – на этапе перестройки – ключевую роль сыграла не только обстановка борьбы ее сторонников и противников, но и наши примитивные представления о путях решения стоящих перед страной задач. Из-за этого было совершено немало крупных ошибок, которые наложили отпечаток на все дальнейшее развитие. К примеру, тяжелые последствия имело разрешение создавать кооперативы внутри государственных предприятий. Думали, что это позволит повысить эффективность госпредприятий, а на деле дали старт процессу откочки государственных ресурсов в частные руки.

Серьезной ошибкой оказался закон о выборах директоров предприятий, который подталкивал к превращению их не в современные фирмы, а в разновидность колхозов. Вместо этого следовало заняться формированием нормальной рыночной мотивации. Но мы не знали тогда, что это такое. Считалось, что рынок заработает, как только исчезнут Госплан, Госснаб и прочие институты централизованной экономики. А оказалось, что надо создавать целую систему институтов, формировать систему корпоративного управления и многое другое.

Китай действительно оказался умнее. Нам казалось, что важно начать с политики. Ну как же! Нас так долго держали взаперти. Свободный человек в демократическом государстве горы свернет... И не удержали ситуацию – все пошло вразнос. А китайцы аккуратно занялись экономикой, политически подправляя ситуацию.

Следует признать, что на этапе перестройки мы все, в большей или меньшей мере, приложили руку к нашим итогам. Не из корысти, конечно, а по незнанию. А вот в дальнейшем существенную роль стали играть сформировавшиеся – и далеко не всегда на рациональной основе – интересы. Печальные последствия имел и тот

Формирование резервов оправданно, когда имеется представление о траектории изменений экономического параметра, в нашем случае – цены на нефть

факт, что во власть пришли люди, руководствовавшиеся примитивно-либеральной идеологией. К сожалению, так случилось. Но ведь нужно извлекать уроки.

ИДЕОЛОГИИ ДВУХ КОМАНД

– Надеюсь, неоднократное повторение ошибок чему-то научило нас. В руководстве страны заговорили о необходимости создания «экономики роста». И образовали даже группы по выработке новой стратегии развития. Хотели три, но получилось две. Каковы отличия в идеологиях этих групп?

– Скажу сразу, что не участвую в работе ни одной из групп, а потому могу высказываться только как внешний наблюдатель.

Насколько я могу судить, группа Алексея Кудрина ориентирована не более чем на некоторую модернизацию проводимой политики. Ключевые установки особой оригинальностью не отличаются. В общем и целом поддерживается проводимая денежно-кредитная и бюджетная политика, подчеркивается необходимость

структурных реформ. Это такая мантра. Те же самые люди, которым на протяжении многих лет никто не мешал проводить реформы, досадуют, что они не осуществлены. Речь, в частности, идет о судебной реформе, перестройке административного аппарата, развитии конкуренции. Важное значение придается приватизации государственного сектора. По их мнению, госбизнес неэффективен в принципе.

В группе Бориса Титова перевод экономики в режим устойчивого роста рассматривается как важнейшая задача, условие формирования благоприятных условий для ведения бизнеса. В связи с этим предъясняется немало претензий как к проводимой сегодня финансовой, так и в особенности к денежно-кредитной политике. Активному использованию проектного финансирования в рамках государственно-частного партнерства придается особое значение. Источники средств для такого финансирования усматриваются в денежной эмиссии, использование которой призвано повысить степень «монетизации» российской экономики и снизить процентную ставку. Тот факт, что деньги предполагается впрыскивать в экономику через проекты, с их точки зрения, позволяет блокировать опасность развития инфляционных процессов.

– И каковы, на ваш взгляд, эти идеологии? С конкретным их наполнением мы, видимо, еще не скоро сможем познакомиться.

– Трудно, в принципе, возражать против некоторых из упоминаемых институциональных реформ. Любой россиянин согласится, что лучше суд, который судит честно, а не по звонку или еще по каким-то только ему ведомым соображениям. Вряд ли найдется много людей – кроме тех, кто замешан в злоупотреблениях властью, – кто был бы против снижения административной нагрузки на бизнес. В то же время я убежден, что разумные структурные реформы – фактор долгосрочного, а не краткосрочного развития.

Согласен, что конкурентную среду нужно совершенствовать. Однако вряд ли решение этой задачи связано в первую очередь с приватизацией. Невысокая эффективность компаний с государственным капиталом определяется в первую очередь неадекватным

поведением собственника, функции которого выполняет исполнительная власть. Она не только создает для таких предприятий теплый режим (о негативных последствиях этого говорится очень много), но и накладывает на них обязательства, которые к рынку никакого отношения не имеют: содержание спортивных команд, строительство стадионов, решение местных проблем по просьбе губернаторов и даже мэров городов...

Мне довелось девять лет поработать в совете директоров «Роснефти» и в качестве независимого директора, и представителем государства – последние три года я возглавлял совет директоров. Эффективная компания с высококлассным менеджментом, взаимодействие с которым носило абсолютно конструктивный характер. При этом – нулевой интерес со стороны государства к своим собственным представителям в совете директоров. За все время, что я выполнял эти функции, единственным человеком, который проявил интерес к моей персоне, был Владимир Владимирович Путин. Именно он посчитал нужным побеседовать со мной накануне моего вступления в должность председателя совета директоров «Роснефти».

Резюме: наше государство действительно отвратительный собственник, но, быть может, стоит подумать, как изменить такое положение дел?

Что касается подхода группы Кудрина к денежно-кредитной и бюджетной политике, то, как я уже отмечал, не вижу в нем особых отличий от идеологии экономического блока правительства. Мне импонирует стремление группы Титова перевести экономику в режим роста, создать благоприятные условия для ведения бизнеса. Разделяю также отношение к роли крупных инвестпроектов, осуществляемых на основе государственно-частного партнерства. Однако отношусь с опаской к позиции, в соответствии с которой денежная эмиссия чуть ли не полностью лишается инфляционного потенциала, если направляется через канал проектного финансирования. Это – заблуждение, поскольку запущенные через проект деньги очень быстро выйдут за его границы просто в силу того, что нужно платить зарплату работникам, оплачивать счета многочисленных поставщиков.

РАЗРАБОТЧИКАМ ПРОГРАММ НА ЗАМЕТКУ

– Какие меры, по вашему мнению, следовало бы включить в программу формирования в России «экономики роста»?

– Я бы разграничил их на те, которые важны с точки зрения краткосрочной перспективы, и те, которые могут формировать долгосрочную траекторию развития нашей экономики.

К первым я бы отнес прежде всего введение ограничений по капитальным статьям платежного баланса – обязательную продажу части валютной выручки экспортерами, ограничение возможностей для фирм приобретать валюту «впрок», установление лимитов по открытой валютной позиции в банках, необходимость получения разрешений на вывоз капитала за рубеж, «налог Тобина» (налог на операции с иностранной валютой, предложенный нобелевским лауреатом Джеймсом Тобином. – *Прим. ред.*) или налог на финансовые операции. Последние необходимы для того, чтобы ограничить масштаб спекулятивных краткосрочных перемещений капитала из страны и в страну.

Возникает вопрос: зачем нужны ограничения, если курс рубля стабилизировался, бегство частного капитала сошло на нет? Тем более что предлагаемые меры создают известные ограничения и неудобства для бизнеса.

Ответ прост – стабилизация не носит устойчивого характера. Кроме того, она достигнута при чрезмерно высоком уровне процентной ставки. Снижение последней остается важнейшей задачей краткосрочного плана, а упомянутые ограничения как раз и позволяют эту задачу решить максимально быстро. С одной стороны, снимается опасность оттока капитала в результате снижения процентной ставки, а с другой – стабилизируются ожидания бизнеса в отношении динамики курса, растет спрос на деньги более или менее в соответствии с увеличением денежного предложения. В конечном счете ускоряется процесс формирования оптимистичных ожиданий предпринимательского сообщества на перспективу развития, что имеет чрезвычайно важное значение для нашей экономики.

Первым результатом станет экономический рост, основанный на загрузке весьма значительных свободных

Конференция по локализации

мощностей, которые у нас появились из-за кризиса. А далее придет желание инвестировать в создание новых мощностей.

Конечно, введение валютных ограничений не может вообще блокировать влияние внешних шоков на экономику, но оно их резко смягчает. Ведь при отсутствии ограничений действует следующий механизм: как только цена на нефть падает, тут же снижается курс рубля, экономические агенты начинают уходить в иностранную валюту, многократно усиливая исходный импульс, который дало изменение ситуации на нефтяном рынке. Можно с полной уверенностью утверждать, что, если бы осенью 2014 года были введены валютные ограничения, не было бы не только обвального обесценения рубля, но и его безумных колебаний в течение прошедших двух лет.

Мне могут возразить, что ограничения по капитальным статьям подрывают святыя святых – обратимость рубля. Пустые страхи. Обратимость по текущим статьям платежного баланса не затрагивается, то есть любая фирма по свободному курсу может в любой момент купить валюту для импорта или погашения долгов. Иногда рациональными являются инвестиции за рубежом. Для этого тоже нужна валюта. В таких случаях действуют механизмы лицензирования.

В ходе минувшего мирового кризиса целый ряд вполне благополучных стран, например Исландия, успешно использовали инструменты валютных ограничений. Более того, Международный валютный фонд изменил свою позицию по этому вопросу, потому что и там поняли: если вы хотите достаточно быстро стабилизировать ситуацию, то это – весьма эффективное средство.

В долгосрочном плане, как я уже говорил, важное значение имеют структурные реформы. Коснусь лишь одной из них – изменения подхода к тому, как следует обращаться с принадлежащими государству активами.

Убежден, конфликт интересов, существующий у исполнительной власти, которая выполняет и функции собственника, и функции регулятора, может преодолеваться не только при помощи приватизации. Перевод госактивов в рыночный режим функционирования возможен и при помощи отделения исполнительной

Досаду
вызывают
огромные издержки,
которые
мы понесли
и продолжаем нести
на, в общем-то,
верно выбранном
пути

власти от прямого управления активами. Ничего в этом крамольного нет: ведь является же Центральный банк независимым от исполнительной власти. Идея же состоит в том, чтобы владеющая государственными активами холдинговая компания (ряд холдинговых компаний) ориентировалась исключительно на максимизацию своей чистой стоимости при законодательном исключении возможности превращения ее в супермонополию. Каждая из «дочек» действовала бы как типичная фирма, нацеленная на максимизацию прибыли, а холдинговая компания имела возможность дополнительно инвестировать одни из них, продавать другие, приобретать новые активы. По отношению к этим компаниям исполнительная власть выступала бы исключительно в роли регулятора, как и в отношении частного сектора экономики.

В обозримом будущем государственные инвестиции, прежде всего в инфраструктуру и высокотехнологичные (высокорисковые!) производства, следует рассматривать как важный фактор экономического роста. Стандартное возражение состоит в том, что это может привести к вытеснению эффективных частных

инвестиций неэффективными государственными. Это чистой воды идеология! Когда в экономике имеются свободные мощности, а частный сектор не желает инвестировать, вытеснить его из этой сферы деятельности просто невозможно. А вот стимулировать частные инвестиции государственными (так называемый эффект привлечения) вполне реально. В частности, можно за счет госсредств реализовывать важные проекты, взяться за которые бизнес не решается. После вывода соответствующих производств на стадию коммерческой эффективности их следует продавать частному сектору и начинать строить что-то другое на вырученные средства.

Все, о чем я говорил до сих пор, относится к важным, но, скорее, тактическим вопросам. Однако нельзя же постоянно все сводить к структурным реформам, желаемому уровню инфляции и процентной ставке, механизмам трансформации сбережений в инвестиции, динамике валютного курса и даже темпам роста. России нужен крупный общенациональный проект, который определял бы на несколько десятилетий траекторию развития ее экономики.

Как мне кажется, сегодня у нас есть очень серьезный кандидат в такие мегапроекты. Его совершенно независимо друг от друга с 2007–2008 годов разрабатывали две группы ученых и специалистов. Во главе первой стояли академики В. Садовничий, Г. Осипов, В. Макаров, а также В. Якунин. Вторую группу возглавлял И. Стариков, в прошлом заместитель министра экономики. Ими двигала одна идея – необходимость «уплотнения экономического пространства» России.

Ключевым элементом ее реализации является строительство первой в мире высокоскоростной грузовой железнодорожной магистрали от Дальнего Востока до Европы («нового Транссиба») с рядом крупных мультимодальных транспортно-логистических центров на ее дальневосточной и сибирской частях. В результате появляется возможность формирования плотной инфраструктурной решетки, охватывающей территорию всей страны и объединяющей в единую сеть различные виды транспорта: железнодорожного, морского (Северный морской путь), речного, автомобильного, авиационного и безаэродромного (новое поколение аэростатов).

Определенные
позитивные
изменения
происходят.
Удалось
снизить инфляцию,
стабилизировать
на данный момент
курс рубля

«Новый Транссиб», соединяя Восточную Азию с Европой, обладает и серьезным транзитным потенциалом. Достаточно сказать, что благодаря его реализации скорость прохождения грузов через всю территорию нашей страны сократилась бы до двух дней (против 14 сегодня).

Реализация проекта сопряжена с колоссальным мультипликационным эффектом. Она потребует развития и модернизации нашего научно-технологического и промышленного потенциалов, откроет новые масштабные возможности для бизнеса, создаст многочисленные современные рабочие места, внесет серьезные изменения в миграционные потоки. А если позволит международная обстановка, то этот проект несомненно станет полем масштабного международного научно-технологического, производственного и финансового сотрудничества. Ведь он, помимо прочего, создает предпосылки для последующего включения в новую транспортную систему Японии и США.

Сегодня две группы разработчиков объединились. Самую активную поддержку их деятельности начали

оказывать Министерство транспорта и ОАО «РЖД». В конце ноября прошлого года проект рассматривался на заседании Интеграционного клуба при председателе Совета Федерации и получил его поддержку. Интерес к проекту проявил и Совет безопасности РФ. Мне кажется, у этого замысла есть хороший шанс превратиться в национальную экономическую идею.

– Об отдельных частях, очевидно, этого проекта СМИ сообщали. Помню, их нередко называли «прожектерством». Откуда такие деньги при нашей-то бедности?

– Про техническую сторону вопроса говорить не буду – не специалист. Отмечу лишь, что и в ОАО «РЖД», и в Министерстве транспорта сомнений на этот счет нет. Многое ими уже просчитано и даже, как говорится, положено на бумагу.

Что касается денег, то, по прикидкам, на сооружение скоростной грузовой железной дороги требуется примерно 280 млрд долларов, а на весь проект – 320 млрд. Сумма большая, но подъемная.

С августа 2008 года по февраль 2009-го, всего за полгода, из валютных резервов, которые в августе достигали 600 млрд долларов, мы израсходовали более 200 млрд. На что? На поддержание курса рубля. И как недавно признал Алексей Кудрин, если бы нефтяные цены не начали расти, потратили бы еще больше.

Сегодня у нас резервы меньше – немного не дотягивают до 400 млрд долларов. И я отнюдь не предлагаю все их бросить на реализацию проекта. Речь о другом: если у нас есть возможность держать такие резервы и тратить их в таких масштабах при возникновении проблем текущего характера, то просто не может быть, чтобы мы не смогли мобилизовать в течение длительного периода из разных источников сопоставимую сумму для реализации проекта, во многом определяющего судьбу страны. Тем более что проект, по расчетам разработчиков, полностью отвечает требованиям коммерческой эффективности для бизнеса и бюджетной эффективности для государства.

Александр Сычев